

НАШ ЛЕРМОНТОВ

В грозовых сумерках пронизанного ливнем июльского вечера 1841 года у подножия Машука разыгралась страшная трагедия. Был убит М. Ю. Лермонтов. Жестокое злодеяние потрясло всю мыслящую Россию, но никого не удивило. Совершилось то, что не раз уже совершалось в крепостнической России и что позволило воскликнуть Герцену, с гневом и скорбью: «История нашей литературы—это или мортиролог, или реестр каторги».

Лермонтов был убит в расцвете сил. Ему шел двадцать седьмой год. Он создал произведения, которые обладали всеми свойствами произведений, достойных бессмертия. Впереди его ждало широкое поле деятельности, и ему было отпущено в безграничной мере то, что нужно было для обработки этого поля — ему дан был великолепный талант, обладающий всеми чертами таланта народного.

Между смертью Пушкина и смертью Лермонтова лежал небольшой промежуток времени в четыре года. Откликнувшись на убийство Пушкина гневными стихами, обличающими великосветскую чернь в чудовищном преступлении, Лермонтов доказал сразу ряд чрезвычайно содержательных истин. Все увидели, что у Пушкина есть достойный наследник. Это Белинский в раздумьях над направлением и содержанием лермонтовского таланта воскликнул:

«Черт знает — страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт и что Пушкин умер не без наследника».

Лермонтов доказал и другую высокую истину: он взял у своего великого предшественника его гуманизм, его глубочайшую ненависть к крепостническому произволу, его глубокую патриотическую настроенность, его честное свободомыслие, неразрывно связанное с вопросами о судьбе человеческой и одновременно судьбе народной.

Результаты появления стихотворения «Смерть поэта» общеизвестны. Лермонтов был сослан на Кавказ. Это была расправа с далеко идущей надеждой. На Кавказе шла война. Там гуляла смерть, и не так уж трудно было возложить ответственность за смерть поэта на тяжелые издержки войны, которая одинаково равнодушна ко всем тем, кого приносит в жертву.

Война — жестокая и бесчеловечная — пощадил поэта. Его не пощадил человек с ликом еще более страшным, чем лик войны. На Кавказе он был убит из холодного расчета, из ненависти, жившей в сердцах жестоких и холодных. История дала точную и верную оценку событиям. Она заклеила вечным позором убийц поэта, а самого поэта сохранила как живого современника и своего времени, и времени нынешнего, и всех времен будущего.

Анализируя значение «Кавказского пленника» А. С. Пушкина, Белинский написал:

«Какое же действие должны были произвести на русскую публику эти живые, яркие, великолепно-роскошные картины Кавказа при первом появлении в свет поэмы! С тех пор, с легкой руки Пушкина, Кавказ сделался для русских заветною страной не только широкой раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни и смелых мечтаний».

Без событий кавказской жизни невозможно, действительно, представить себе и биографию Лермонтова, и характер и направление его творческой деятельности.

Здесь, на Кавказе, вдохновлялся поэт могучей природой гор, здесь нашел людей, которые явились прототипами художественных образов. Он проникся духовным благородством горских народов, их безграничной преданностью идеалам свободы и воспел их в образах благородных и ярких. Он сражался здесь, в горах Кавказа, но не дал грохоту сражений заглушить в себе идею братства народа русского и народов Кавказа, рожденного общностью их борьбы против крепост-

нического строя.

«Кавказ,— писал Белинский,— взял полную дань с музы нашего поэта. Кавказ делается его поэтической родиной, пламенно любимой им».

Чудесными поэтическими красками рисует Лермонтов знакомые нам города и великолепную природу, их окружающую. Но в изображении Кавказа нам дорого у Лермонтова не только тонкое и очень точное ощущение природы, обнаруживающее в нем чрезвычайно высокое мастерство пейзажиста. Кавказская тематика Лермонтова, как и все другие его произведения, ставила и решала чрезвычайно большие цели и задачи своего времени.

Он обладал неоценимым качеством истинного художника слова: быть в самой гуще событий и сражаться за передовые идеи века. Как художник он никогда не ставил перед собой целей чисто эстетических. Его эстетика была вся пропитана пафосом гражданственности, пафосом борьбы за правду жизни. Очень хорошо сказал Л. Толстой. «Лермонтов и я — не литераторы». Лермонтов всегда находился во власти раздумий. И раздумья эти даже в тех случаях, когда они, казалось, носили интимный характер, никогда в то же время не были раздумьями личного, индивидуального характера. В них всегда жила не отвлеченная идея, разрисованная яркими красками поэзии, нет! Его поэтические раздумья — это прежде всего страстное стремление найти ответ на жгучие вопросы времени. Он скорбел «о судьбе и правах человеческой личности», он обличал тот мир, где «стонет человек от рабства и цепей». Он приветствовал революцию и в многочисленных своих произведениях изобразил человека непреклонной воли к борьбе, глубочайшей ненависти к угнетению, человека, несущего в себе непримиримую ненависть к поработителям и порабощению в равной мере, будь оно светским или духовным.

Таким образом, можно сказать, что в поэзию Лермонтова гнал инстинкт социальный. В практической своей деятельности он видел прежде всего выполнение долга гражданского. Поэзия

его к тому же носила не просветительный характер. Наоборот, вся она насыщена горячим призывом к деянию. Поэт писал:

К чему глубокие познания, жажда
славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?

Все многообразие поставленных жизнью социальных проблем вмещалось, как в фокусе, в сердце поэта. Сердце же его горело неугасимым и ярким огнем любви к родине. Понятие родины у Лермонтова было возвышенным и чистым. Из понятия патриотизма исключались «голубые мундиры» и цари с их доносчиками и шпионами, с их помещиками и бюрократами, с их «всевидающим глазом», с их «всеслышащими ушами». Такие стихотворения, как «Родина», — яркое тому подтверждение. Это хорошо почувствовал Добролюбов, сказавший в свое время о стихотворении так: «Умевший рано постичь недостатки современного общества (Лермонтов) умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит его удивительное стихотворение «Родина», в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно».

Лермонтов обладал превосходным свойством, без которого не может быть истинного художника слова. Он великолепно умел чувствовать героя своего времени. Своим «Героем нашего времени» Лермонтов как художник сделал неоценимый вклад в мировую литературу. В связи с выходом в 1843 году третьего посмертного издания романа, Белинский писал:

«Мы не будем хвалить этой книжки; похвалы для нее так же бесполезны, как и безопасна брань. Никто и ничто не помешает ее ходу — и расходу — пока не разойдется она до последнего экземпляра, тогда выйдет она четвертым изданием и так будет продолжаться до тех пор, пока

русские будут говорить русским языком».

Лермонтов обладал безупречным искусством типизации, которое и помогло ему создать живой и яркий образ своего современника. Печорин совсем не герой жизни в высоком значении этого слова. Но яркое и жизненное его изображение, несомненно, помогло многим молодым людям избавиться от порока скептицизма и найти действенные средства для утверждения жизни.

Не будем сейчас вдаваться в детальный разбор этого образа. Не будем говорить и о том, что Печорин совсем не тот образ, который можно перенести из девятнадцатого века в наши дни и воспитывать на нем нашу молодежь. Не будем говорить об этом и потому еще, что в лермонтовское время такой образ и не мог еще родиться. Поговорим о той стороне романа, которая сохраняет свое значение и по настоящее время и в известном смысле по настоящее время остается поучительной.

Подобно всем великим художникам слова, Лермонтов поставил в своем романе остро и прямо вопрос, выражающий сущность человеческого бытия, вопрос об отношении человека к жизни, о понимании ее смысла. Постановка этого вопроса у Лермонтова носила совершенно конкретный характер. Писатель показал молодого человека своей эпохи, его умонастроенность, показал не как бесстрастный сторонний наблюдатель, а как писатель, для которого судьба человека, как и судьба народа и судьба родины, была главным смыслом всей творческой деятельности. И именно эта широкая, гражданская постановка вопроса вызвала широчайший интерес к роману у современников писателя. «Герой нашего времени» — это грустная дума о нашем времени», — сказал Белинский вслед за первым появлением романа отдельным изданием.

Времена изменились. Они очень существенно изменились. Печорин навсегда остался в истории литературы зеркалом, отразившим в себе эпоху. Наша эпоха требует героя, который, войдя в литературу из жизни, стал бы для миллионов живых людей примером и об-

разцом жизнедеятельности, направленной на построение нового, коммунистического общества.

Лермонтов был блестящим художником слова. Но у него в то же время существовало ясное понимание того, что мастерство не самоцель. Он упорно добивался совершенной формы для того, чтобы ярче, убедительнее, сильнее звучала человеческая мысль. Он был поэтом-учителем и, чтобы слово его достигало цели, шлифовал его до тех пор, пока мысль, как алмаз, заиграет всеми гранями, «обретет язык простой и страсти голос благородный».

Возвышенное понимание роли поэта, присущее Лермонтову, дает нам полное основание отнести к нему его же собственные слова:

Твой стих...

Звучал как колокол на башне
вечевой

Во дни торжеств и бед народных.

Наша страна торжественно отмечает 150-летие со дня рождения великого поэта. Он жил всеми передовыми идеями своего времени. Он был не бездумным мечтателем, а энергичным, стойким борцом своего времени. И в этом смысле мы можем сказать, что жил он и для нашего времени, ибо в свое время расчищал дорогу для будущего, которое стало нашей действительностью. С полным основанием можно отнести к нему слова А. В. Луначарского, сказанные о Пушкине: «Кто был хорошим современником своей эпохи, тот имеет наибольшие шансы оказаться современником многих эпох будущего».

Да, Лермонтов — наш современник. Без творческого полета его мысли, без его раздумий и чувствований, без крепости его духа и нравственной его чистоты немислимо представить и человека сегодняшнего дня, для которого с каждым днем все реальнее становится благороднейшая мораль нашей эпохи: человек человеку — друг, товарищ, брат.